

Зиновий Корогодский: “Я доставляю окружающим немало хлопот...”

ПРОФЕССОРУ Корогодскому, народному артисту России, создателю знаменитого во многих странах эстетического центра “Семья” и “Театра поколений”, летом исполнилось 70 лет. А завтра, 19 октября, в годовщину рождения “Семьи”, откроется декада спектаклей, созданных Корогодским с его учениками, актерами и студийцами “Театра поколений” (адрес центра - пр. Обуховской Обороны, 121-а). 26 октября творческий вечер юбилера пройдет в Гуманитарном университете профсоюзов, где Корогодский возглавляет кафедру режиссуры.

Но можно ли в разговоре с Зиновием Яковлевичем миновать ТЮЗ имени Брянецова, которому Корогодский отдал 25 лет?..

- Вы знаете, ТЮЗ я уже, что называется, закрыл для себя...

- Как его можно закрыть, если это история театра?

- К прошлому я не возвращаюсь. Уже 10 лет я живу другими интересами и другим озабочен...

- Но ведь вы продолжаете делать в центре “Семья” то же, что и раньше?

- То же - да не то! Я давно понял, что идея детского театра по существу искуссвенна, что не может быть “ведомственно-го” театра, изолированного от всего театрального процесса. И в свой тюзовский период я искал вариант синтеза - такого театра, который не был бы “заужен” для юного зрителя, а был бы театром для всех возрастов! Все, что в литературе, в изобразительном искусстве, в кинематографе, в театре интересно взрослому, - благо и для детей. Не случайно же нас называли “театр от 7 до 70”. Я всегда старался привлечь в театр семью, считая, что это необходимо для здоровья общества и его основной ячейки, которая всегда была, а сегодня особенно. Театр семьи - это то увлечение, которым я и сейчас полон.

Только раньше мы шли от ребенка к взрослому, а сейчас наоборот... Мне кажется: если мы хотим, чтобы дети приобщились к искусству, то нужно прежде всего просвещать и увлекать взрослых, которые окружают детей. Система приобщения детей к театру через культпоход, через школу давно уже себя изжила...

- Я помню, вы еще в ТЮЗе боролись с культпоходами. А сейчас там вновь то же самое - спектакль “Горе от ума” недавно срывался из-за поведения зрителей...

- Досадно... Разрушить пафос непосредственного обращения к детям - может быть, и есть то, чем я сегодня, как мне кажется, не без успеха занимаюсь. У нас в центре возникает сотворчество детей и взрослых, они объединяются интересом к театру и дружбой с театром. И мне кажется, что это исторически справедливая позиция.

- Но вы ведь при этом продолжаете и профессиональных актеров обучать?

- Не будь я заведующим кафедрой режиссуры, которую мне доверил ректор Гуманитарного университета профсоюзов профессор Александр Запесоцкий (я благодарен ему за открытое “второе дыхание”), не имел я такой учебно-творческой базы, мне бы, конечно, никак не осуществить идею творческого центра “Семья”. Потому что “Театр поколений” - это и профессиональные актеры, и студенты, которые учатся на кафедре. Эта молодежь как раз обеспечивает и поиск, и живость, и обаяние нашего дела...

- Почему вы не преподаете на МХАТ?

- С того момента, как я оказался по загадочным, до сих пор неясным причинам снят с поста главного режиссера, меня отвергла и Театральная академия.

- Ну а теперь, когда вам вернули звание народного артиста, когда вы полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления?

- Теперь, знаете, неизвестно, где лучше преподавать и получать театральное образование. Академия переживает напряженный период - истаяли кадры. Я во всяком случае не считаю себя ущемленным и не поменял бы свою кафедру на любую другую. Многие педагоги с МХАТом хотели бы тоже оказаться у нас. Все равно меня признают как педагога и на МХАТ, и в ГИТИСе, и в Гуманитарном университете, я сохранил к себе доверие и как режиссер, и как человек. Ведь наш “Театр поколений” был участником трех международных фестивалей в России, международного фестиваля в Японии в 95-м году, а нынешним летом нас пригласили на месячные гастроли в Японию, где мы имеем бескомпромиссный успех... Поэтому 10 лет, прошедшие после моего изгнания, я прожил напряженно, разнообразно и полноценно, несмотря на печаль в душе и нанесенную мне обиду. А сейчас все позади.

- Зиновий Яковлевич, когда вы пришли в ТЮЗ, вы ведь были, наверное, самым молодым главным режиссером в городе?

- Тогда, в 62-м году - да. Но еще раньше, в Калининграде, я был самым молодым главным режиссером в стране - мне было 28. Ведь меня из Калининграда в Ленинград пригласил Георгий Александрович Товстоногов. И, если бы не он, я бы никогда не попал в ТЮЗ. У меня же очень сомнительный пятый пункт, что вызывало серьезное сопротивление, в том числе и внутри театра! Хотя Александр Александрович Брянецов был человеком абсолютно “незараженным” в этом плане, в его коллективе многие люди не могли понять: как это можно сменить Александра Александровича Брянецова на какого-то Зиновия Корогодского? Шла довольно напряженная борьба, и помог, конечно, Георгий Александрович. Он считал, что я подхожу этому театру по какому-то качеству. И это правда - я вырос на замечательном доверенном детском театре в Новосибирске. А в годы войны у нас в Новосибирске был Новый ТЮЗ Бориса Вольфовича Зона, учеником которого я после оказался... А будущую юность, я не вылезал из брянцевского ТЮЗа на МХАТ. Поэтому пристрастие мое, несомненно, было угадано Товстоноговым. Наши группы крошечные, но я и того театра, который называется Театром юных зрителей. Может, в этом и была основа трудного, но плодотворного союза.

- Но признайтесь, Зиновий Яковлевич, поначалу вам пришлось принять крутые меры, потеснить брянцевских старожилов?

- Я не изгонял никого из тех, кто был ядром театра на МХАТ. Лучшие всегда оставались со мной - и Карамышев, и Гав-

рилов, и Кунтышев, и многие другие... Выдергивать корни всегда опасно. И вообще я к этому театру относился с уважением и симпатией. Но, конечно, пришлось с кем-то расстаться. Я же ввел сразу большой молодежный костяк - там была и Антонина Шуранова, и Алексей Яковлев... И многих из них я занял уже в первом своем спектакле, адресованном юношеству, - “Коллегах” по Аксенову.

Первые пять лет мне было очень трудно. Внутренняя оппозиция существовала, но ничего поделать не могла - шел нарастающий успех! Поэтому оппозиция была вынуждена уйти глубоко в подполье и портить мне жизнь в течение всех 25 лет.

- Говорят, будто главная причина вашего “отлучения” была в том, что вы испортили отношения с Товстоноговым...

- Я его потерял, Георгий Александрович. По собственной вине и глупости. Потерял как друга, как опору, как благословившего меня на этот путь человека. На семинаре режиссеров народных театров, который я вел десятки лет, меня спросили о театре Товстоногова, и я отказался неслетно. Это было с моей стороны... бестактно и неумно.

- Что же вы такого ляпнули?

- Что в театре есть тенденция омертвления... Ну мне так казалось. Может быть, так и не было, потому что все равно БДТ был лучшим театром в городе. Но о близком друге говорить такое за спиной безнравственно! Я считаю, что это самый непристойный грех за всю мою трудную жизнь. Мои слова оказались в невыправленной стенограмме, она попала к Георгию Александровичу. Это его обидело, и справедливо обидело. Так я потерял его. И оказался незащищен.

А потом началась полоса очень для меня тяжелая. Меня стали всюду критиковать - я уже и перестал делать хорошие спектакли, я уже загнивал, отставал...

- Зиновий Яковлевич, но признайтесь: разве в этом не было какой-то частички правды?

- Я так устроен, что не очень возвращаюсь в прошлое. Может, действительно стал хуже работать, может, я зазнался... Может быть, то, что мне хотели говорить, когда я был зашпиган, не говорили. Но основную причину я вижу в том, что все-таки у меня характер не из легких. Я всегда доставляю окружающим немало хлопот.

- Мой характер не нравился и в инстанциях. Я все время перещеголял, возражал, когда мне говорили: “хватит играть в эти ваши забавы!”. Имелись в виду “Наш цирк”, “Потешки”, “Наш Чуковский”. “Когда вы начнете ставить нормальные спектакли? Кончайте играть!”

- Но у вас же были в репертуаре и компромиссные названия, “Гибель эскадры” например...

- Да, с Каморным и Тараторкиным, и был замечательный спектакль... А “После казни” прошу...”, а “Глоток свободы”? Но было и много других спектаклей, которые, по началу, вменяемым представлениям, никак не могли быть вписаны в афишу Театра юных зрителей, - “Гамлет”, “Борис Годунов”, “Тени”.

Спектакль “Будь здоров, школяр!” Ожидая мне было приказано снять “по жалобам ветеранов войны” - я не снял. Мне - выговор. Я все равно не снял. Тогда Главное управление культуры перестало печатать это название в афише.

- А вы продолжали его играть?

- Продолжали... А все, что мы делали на пятом этаже, вообще считалось непозволительным. Хотя это была по существу лаборатория, обеспечивающая театру поиск, разведку, омолаживание - не по возрасту, а по самочувствию... Это был эликсир нашей молодости.

Потом нас не пустили на гастролы в Перу, на международный фестиваль детских театров, не пустили в Авинонь, куда мы тоже были приглашены. Это все были акции наказания. Меня наказывали за непослушание, за строптивость, за “зазнайство”... Хотя, честно говоря, мне совсем не свойственно преувеличивать свои достоинства, я скорее закомплексован, чем распоясан в собственном величии.

- Зиновий Яковлевич, существует ли максимальный срок для того, чтобы режиссер руководил одним театром?

- Ну есть такая теория - 15-20 лет...

- А вы как считаете?

- Это зависит только от человека, который либо черствеет, впадает в профессиональный склероз, гложет по отношению ко всему, что происходит вокруг, - тогда он может и через 5, и через 10 лет оказаться ненужным. Но если человек сохраня-

“Говорят, что хорошее
не бывает дешевым. Неправда!
“Наш цирк” стоил три копейки.
А “Открытый урок”
еще дешевле...”

ет живость, подвижность и реaktivность - зачем ему бросать любимое дело?

- Сами бы вы ни за что не покинули ТЮЗ?

- Мне и в голову не приходило... Я считал это своей пожизненной миссией. Ведь я же был как бы лидером не только этого театра, но и мощного движения в стране. Вы знаете, я не приспособлен к гастрольному существованию. Спектакли во Вьетнаме, в Америке я ставил с огромным напряжением - мне было нелегко это сделать в чужой “семье” и в определенные сроки.

- Ну а возглавить другие театры вам не предлагали?

- Был даже разговор о Центральном детском театре в Москве, но я тогда не мог на это пойти - ну как это, бросить свое детище?... Была очень стабильная ситуация в театре. И всегда за работающей труппой стоял новый театральный класс, а то и два. Поэтому мы были организмом самообновляющимся. Признаком кризиса я мог не заметить, но если он и возникал, то только в силу интенсивного нажима со стороны инстанций. Ведь последние годы меня просто брали за горло: вот к блокаде, вот к дате, вот этой теме нет, нет героя, нет подростка... Я с “ковра” не ухитрился! Чтобы меня укротить, мне назначили директора! “Комиссара”.

- Вальчук?

- Да. И “Комиссар”, засучив рукава, полезла во все, что ее не касалось, и главное - в репертуарную политику. Все началось с того, что мне стали запрещать ставить пьесы “Счастье” Разумовской и “Галопи счастья”

Рошина. Разбирательства в райкоме, выговоры, предупреждения - в общем, трясучка как на электрическом стуле. И все закончилось печально... Как раз перед моим 60-летием, когда готовились документы на звание народного артиста СССР. Разве можно было допустить это?..

- Зиновий Яковлевич, как вы думаете, почему актеры всегда предпринимают совместные акции лишь для того, чтобы скинуть главного режиссера, но никогда - чтоб защитить?

- Нет, я не могу пожаловаться на своих... У меня нет ощущения, что меня предали. Они, лучшие, объединились и встали на мою защиту. Но кто их слушал?

- Но ведь никто из актеров не покинул театр вместе с вами.

- А потому что была наивная надежда, что все это пресечется...

- Как? После того, как в театр пришел новый человек?

- Ну и... продолжали думать, что это временно, что это случайность.

- Поэтому начали с ним работать?

- И очень скоро стали расходиться...

- А через шесть лет вдруг вспомнили про вас?

- Ну я могу допустить, что

о жизненной философии?

- Философии самосоздания, самосовершенствования, свободы от всяческих предрассудков - общественных, социальных, житейских...

- За их судьбу не боитесь?

- Боялся всегда и боюсь. Ведь набор класса - абсолютная мистика. Все построено на предчувствии, на каком-то, быть может, недостоверном прогнозе. Набираешь театральный класс - 20-25 человек, ко всем относишься в равной степени расположено и с надеждой. И глядишь, как многие открываются, а многие сходят с дистанции, потому что не хватает ни сил, ни энергии себя сотворить.

- А насколько их личная жизнь подчинена вашей воле?

- Нина сколько. Кто с кем - это меня не касается... Единственное, что важно, - жизнь в искусстве трудна, и если ты хочешь, чтобы ты состоялся, то тебе придется слишком много принести жертв. А уж кто в чем себе отказывает и какие жертвы приносит - это зависит от натуры, от уровня сознания...

- У вас нет ощущения, что многие ваши ученики, расставшись с ТЮЗом и выйдя из-под вашей опеки, не могут себя найти уже в зрелом возрасте?

- Как это не могу? Тараторкин смог. Волкова смогла. Светлана Смирнова смогла. Александр Белов работает в Александринке, Тоня Шуранова - в Театре сатиры, Таня Бедова - в Большом Драматическом, там много тюзовцев... Они все при деле. У каждого своя радость от того, что он в этом деле достигает. Почему вы хотите, чтобы из 20 обучающихся 19 оказались прима-балеринами? Так не бывает.

- Сейчас все театры под угрозой закрытия, бюджет пуст... А вы с вашим центром насколько прочно себя ощущаете?

- Но мы же на очень скромных “харчах”. Наше народное образование пока заинтересовано в существовании такого вот уникального центра...

- А если у народного образования не хватит на вас денег?

- Значит, мы начнем создавать благотворительный фонд помощи и поддержки “Семьи”. Мы же не коммерческая организация, а благотворительная. Мы не ставим спектакли, которые стоят, как у Кости Райкина, чуть ли не миллиарды... У нас билеты - по три тысячи. Мы не зарабатываем на наших спектаклях, мы мало-малыски сводим концы с концами. Вот говорят, что хорошее не бывает дешевым. Неправда! “Наш цирк” стоил три копейки! Но это был очень хороший спектакль. “Открытый урок” стоил еще дешевле...

- А есть сейчас у вас актеры уровня тех, кто играл в “Нашем цирке” и в “Открытом уроке”?

- Есть лучше... Время покажет. Просто мы, наш “Театр поколений”, живем в какой-то странной ситуации “обочины”.

- По-моему, сейчас все театры на обочине.

- Это по бюджету. А по вниманию, интересу - нет... И те, кто у нас бывал, кто видел наши спектакли, недоумевают: почему же все-таки мы не попадаем в эпицентр?

- А кто попадает?

- Вот Роман попадает. Просто каждый день Виктюк на экране...

- Ну а “Элеонору” вы посмотрели?

- Я же не хожу в этот театр. Тем более что, как рассказывают, там уже совсем другой дом и другой запах... Все другое. То, что было белым, стало черным, то, что было бирюзовым, стало бордовым. Пускай себе живут, почему они должны со мной быть связаны, а я должен быть связан с ними, коль разошлись?

У меня нет конфликта с ними. Вот такой жуткий характер, что поделает? Расстался - и расстался.

- Зиновий Яковлевич, вам хотелось бы, чтобы те, кто сфабриковал ваше дело, понесли наказание?

- Нет, я не испытываю никаких кровождающих чувств. Они все уже окопались и живут не так, как при царствовании своем, Бог их уже наказал. Вообще это нескромно будет звучать, но я добрый человек. Я могу быть гневен, вспылыв, но я не мщу, не злобствую, не злорадствую... Мне только бывает обидно, когда я теряю тех, кого люблю.

- Ваш сын продолжает в Америке работать?

- Да, вот вчера прислал факс - отчитывается все время о своих делах. Данила руководит в университете Лонг-Бич под Лос-Анжелесом отделением театрального дизайна. Очень много спектаклей и сам оформляет. Но все-таки хочет домой. И два раза в год он домой на полтора - два месяца вырывается. Мы делали с ним в Америке спектакль “Конек-горбунок”, а когда я давал там огромное количество мастер-классов, Данила каждый раз мне помогал в качестве синхронного переводчика. Я хотел бы, чтобы он какой-нибудь спектакль сделал со мной здесь - но пока ему некогда...

- Вы никогда не думали о том, чтобы туда уехать?

- Это исключено, в первую очередь потому, что я не приспособлен к пенсионному самочувствию: я умру на ходу, на лету, на бегу... А что меня там может ждать, кроме пенсии? Я не могу себе позволить даже думать об этом!

Беседовал
Максим МАКСИМОВ
Фото Виктора
ДЮЖАЕВА